Лариса Соколова

В тисках мироздания

стихи, баллады, поэмы

Лариса Соколова

В тисках мироздания. стихи, баллады, поэмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18400637
ISBN 9785447472627

Аннотация

В новой книге поэта Ларисы Соколовой собраны её лучшие произведения, которые проникнуты глубоким драматизмом нашего беспокойного времени. Некоторые из них возвращают читателя в глубину веков, где человек стремится к гармонии и совершенству, соединяя в себе два мира – небесный и земной.

Содержание

Эффект бабочки	6
Бабье лето	7
Были танцы до упаду…	8
В зеркалах	10
Великомученица Марина	11
Войны на земле не прекратятся	13
Волчица	14
Гений	16
Главное моё желанье	18
Голубь мира	19
Грустный клоун	20
Девушка в алом	22
Дорога к солнцу	23
Дочери Марии	25
Живые письма	26
Заговоренный клад	27
Зачем богачам запредельные дали?	29
Звериный рык	30
Змеи	31
Из Крыма в Сочи	32
К памяти…	33
Код Леонардо	34
Колдовская любовь	36

Крысиный ход 38
Лебединая песня 39
Мастер и Маргарита 41
Месть 43
Молитва 45
штрихи жизни 47
Ноев Ковчег 50
Орёл и воробей 51
Плен греха 52
Конец ознакомительного фрагмента. 53

В тисках мироздания
стихи, баллады, поэмы
Лариса Соколова

© Лариса Соколова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эффект бабочки

Используй каждый шанс судьбы своей,
легко забыв былые неудачи.
Стань мимолётных слабостей сильней,
о кошельке украденном не плача.

Свои ошибки нам тогда видны,
когда их время в прошлое отводит.
Мы все эффектом бабочки больны,
и этим больно делаем природе.

Бабье лето

Окованная травными путями,
глотая капли солнца поутру,
корнями в землю, в небеса ветвями,
сосна уходит, стоя на ветру.

И столько в ней терпения и силы,
что самый крупный град не страшен ей…
А шаровая молния скосила
берёзу звонкой юности моей.

Она распалась на две половины,
которые не воссоединить…
Но утопая в алости рябинной,
я бабье лето пробую продлить.

Оно, как счастье коротко, земное!
И только в хвойном запахе сосны,
как снежный вихрь не вьюжится за мною,
сквозит дыханье чувственной весны.

Были танцы до упаду…

Майских дней моих отрада,
воды жизни глубоки.
Были танцы до упаду
у серебряной реки.

А костра лихого искры
гасли в звёздной череде.
Обнимались в пляске быстрой
наши тени на воде.

Голова моя слабела
от твоих горячих уст.
Я не чувствовала тела
в распылённом вихре чувств
перед млечным изобильем
при улыбчивой луне.
У любви не руки – крылья!..
Так тогда казалось мне.

Наше лето припозднилось,
но всему пора своя.
Лишь листва озолотилась,
с облаков спустилась я.

Заглянула правде в очи
через зеркало судьбы…
Что—то страшно стало очень
за того, кто рядом был.

В зеркалах

Пляшет солнечный зайчик в бокале,
полон пены шипящей бокал.
Люди б старости вовсе не знали,
если б не было в мире зеркал.

Люди падки до ложного дива,
и себя не хотят узнавать
в отражениях ясных, правдивых,
где видна увяданья печать.

Великомученица Марина

Златых волос рассыпав пряди
на прогоревшие мосты,
она жила в своих тетрадях,
Марина – жертва нищеты.

А посторонним было дико,
что для неё, как мёд, сладка
с могил забытых земляника…
Ведь участь грешников горька.

Брожу одна среди погостов,
а где-то мается душа,
с которой так легко и просто
проблемы сложные решать.

И я беру «Альбом вечерний»,
чтоб глубину её вдохнуть…
Ад на земле, где море черни,
в котором тонет светлый путь.

Там крылья выломав жар—птице,
её загнали бесы в клеть…
Марина – не самоубийца!
Ей нужно было умереть.

Когда дар божий миру слышен
среди отчаянных невзгод,
великомученице свыше
Бог послабление даёт.

Войны на земле не прекратятся

Реки крови пролитой густятся
в океане вспененных страстей.
Войны на земле не прекратятся,
пока люди будут жить на ней.

Ими властно правит страсть наживы,
кровь в их генах злом заражена.
Лишь в Христовом стаде овцы живы…
Но земля лукавому дана.

Никогда на ней не будет рая!
А в театре временных утех,
дети ада ангелов играя,
маскируют действующий грех.

Он везде свои пускает корни.
Потому у стен монастырей
проросло травы немало сорной,
дав раздолье дьявольской игре.

Волчица

Ночь кругом, а мне не спится.
Да и как же я усну?
Под окном моим волчица
грозно воет на луну.

Но луна не виновата,
что охотник невпопад
вместо бестии лохматой,
застрелил её волчат.

С ним она играла в прятки,
в западню его загнав.
Это было в ночь на святки
там, где праведный не прав.

После той бесовской ночи,
еле жив вернулся он,
и с тех пор поверить хочет
в то, что видел жуткий сон.

Милый, глянь, как сумрак светел!
Жаль, что звёзды к тем глухи,
у кого страдают дети
за родителей грехи.

Пусть вовек тебе не снится,
вой её к рассвету смолк,
та лохматая волчица,
от которой плачет волк.

Гений

Там, где гений – распри, споры…
Лишь любовь всегда права!
На коленях Айседоры
расплескалась голова
златокудрого поэта,
нагулявшегося в дым
от заката до рассвета…
И Дункан поёт над ним:
«Спи мой Патрик, спи сыночек —
тихий ангел во плоти.
Как же ты из мёрзлой ночи,
тёплым смог сюда войти?
Дай в глаза твои вглядеться,
убедиться, что ты жив…
Вновь в моём разбитом сердце,
нежной радости прилив.»
А в ответ ей шёпот скорый
губ, горячих допьяна:
«Полно бредить, Айседора!
Жизнь на выдумки вольна.
Мы с тобою не похожи,
хоть в чертах моих твой сын.
Только танец жестов может
в мутном оке вызвать синь

на какое—то мгновенье,
чтоб на фоне белых стен
разыгралось представленье
с кровью, хлещущей из вен.
Страсть поэта – взрыв Цунами.
На раздольных берегах
смерть охотится за нами,
пряча суть свою впотьмах.
От неё, поверь, не деться
нам с тобою никуда.
Кровоточащее сердце —
не последняя беда
в этой жизни растреклятой…
Но оно не зря горит
над покоем мёртвых статуй,
как чумной метеорит.
Потерпи родная, вскоре
мы услышим пенье арф…»
Лёг на шею Айседоре
анакондой лёгкий шарф.

Главное моё желанье

Я не верю в предсказанья,
книгу мудрости листая.
У меня одно желанье,
чтобы рыбка золотая
в пасть акулью не попала
на пути больших свершений,
где она заметной стала
в шторме вражеских кружений.
Рыбы злющие повинны,
эту рыбку ненавидя,
в том, что добрые дельфины
в ней свою добычу видят.
И могущественной стаей
на неё ведут охоту…
Только рыбка золотая
глубже их уходит в воду
потайной тропой своею
сквозь подводные теченья…
Видно Бог включил над нею
всех лампад своих свеченье.

Голубь мира

Посвящается президенту
России Владимиру Путину

У голубя мира железные крылья,
и сталью пропитанные коготки.
Им ястреб войны доведён до бессилья
в окружном течении бурной реки.

Пока он парит над России судьбою,
тяжёлые тучи на запад гоня,
над нами бездонно встаёт голубое,
спокойное небо текущего дня.

Парящий в своей прозорливости светел.
Читая сокрытые мысли врагов,
он ловко обходит опасные сети,
и снова к смертельному бою готов.

Бесовские трюки узреть невозможно —
от ближних наносится в спину удар.
Лишь с божьим посланником в мире тревожном,
мы станем свободны от гибельных чар.

Грустный клоун

Радуга цирка меня ослепила —
замкнутый круг оказался магнитом.
Обворожительно лёгкая сила
передо мною явилась открыто.

Купол сияющий – звёзд самоцветы
над безупречною магией тела
с грустною маской скитальца по свету…
Я в этой маске лицо разглядела!

Публике клоун всегда на потеху,
Карлсоном будь он или Арлекином…
С клоуном—коброю мне не до смеха —
реквием брошен его именинам.

Цирк уезжает. Останься, мой клоун!
Я тебя выбрала – будь же мне другом.
Раз ты к манежу навеки прикован,
станет он мне заколдованным кругом.

Маг мне улыбкой печальной ответил,
и потерялся, как в сене иголка…
Радугу цирка нахлынувший ветер
в миг расколол, раздробил на осколки.

Девушка в алом

Она всё лето любви ждала,
а осенью вдруг пропала,
и лишь весною в реке всплыла
вся синяя в платье алом.

Рассвет над нею был тоже ал —
лучистого дня предтеча.
Никто о ней ничего не знал,
но в храме горели свечи…

И кто—то имя её навзрыд
шептал у дверей церковных.
Безногий, сгорбленный инвалид,
далёкий от игр любовных,
над нею плакал, весь мир кляня
за то, что её не стало…
Она напомнила мне меня
та девушка в платье алом.

Дорога к солнцу

Ты ушёл, но с прошлым нить не рви.
И хоть жизнь стервозная такая,
над прозрачной памятью любви,
соловьи поют не умолкая.

В каждом стебле дух родной земли,
окроплённой божьей благодатью.
Мы с тобой старались, как могли
удержать иллюзию в объятьях.

Как играют в зеркале реки
звёзды отпылавшие над нами!..
Ночи те бездонно глубоки,
где сердец безумствавало пламя.

Ты тропу мне к свету указал,
когда солнце смежило ресницы.
Я иду, куда глядят глаза —
та тропа вокруг меня змеится,

приводя в конце концов туда,
где до дна испита счастья чаша.
А в колодце высохла вода,
и буянит ветер в доме нашем.

Я себя пытаюсь убедить,
что любовь в наш дом ещё вернётся…
Разрывая с тёмным прошлым нить,
над своей судьбою вижу солнце.

Дочери Марии

Чадо моё, в мир порочный рождённое,
да обойдёт тебя зло стороной!
Имя твоё, в небесах утверждённое,
не оскверняется чернью земной.

В имени этом любовь и терпение
дом поднимают разрухе назло
так, что к слепому приходит прозрение,
уравновесив душевный излом.

Живые письма

Нет тебя, твои же письма живы.
Всё расстаться с ними не могу.
Чувства в них пронзительны, не лживы,
если я сама себе не лгу.

В каждом слове нежность без предела,
а за ней разлука на века.
Ты был зрел, а юность не хотела
улетать с тобой за облака.

Чтоб союз созвучных душ был вечен,
хоть удел всего земного – прах,
на земле должны свершаться встречи,
а уже потом на небесах.

Может в чём—то я перестаралась,
одолев превратности судьбы,
только встреча наша состоялась,
да совсем не так, как надо бы!

Заговоренный клад

Иногда поверить надо
в то, что сказочник не врёт.
Заговоренному кладу
в тайнике своём – не мёд.

Он не дышит светом божьим,
грёзы грешников круша…
Успокоиться не может
в нём хозяина душа.

Не берёт её Всевышний,
и лукавый ей не брат.
В мире страждущих не лишний
был бы, в тьму зарытый, клад.

Но его напрасно ищут,
мудрость древнюю кляня,
те враги духовной пищи,
что не в милости у дня…

И в своём азарте яром
роют землю через лес,
к тайной лодке Кудеяра
возрождая интерес.

Раз в сто лет он к ним выходит
помрачённым чернецом…
Мёртвый мстит живой природе,
потеряв своё лицо.

Зачем богачам запредельные дали?

Зачем богачам запредельные дали?
Их там не согреет крутой капитал.
Не нищие ноги Христу омывали,
а нищим сын божий ступни омывал.

И стали великими нищие эти,
богатство любви не растратив в нужде.
Кто рай воздвигает на горькой планете,
тот заживо плавает в мёртвой воде.

Звериный рык

Отражается лебедь в воде
на серебряной горизонтали.
Звери стали рычать на людей,
когда люди им родственны стали,
обретя ненадёжный приют
далеко не на райской планете.
Правда, ангелы, в детях живут…
Но становятся взрослыми дети.

Змеи

Тебя преследовали змеи
в невыносимо ясных снах.
Одна другой искусней, злее
вдыхала в сердце жгучий страх.
А наяву сопротивленье
он козням дьявольским давал,
идя без всякого смущенья
из вязкой тьмы на звёздный бал,
где побеждал врагов незримых
тем, что любил и был любим.
Но всё ушло куда—то мимо,
большой огонь свернулся в дым.
ты смотришь вдаль, не замечая,
что на груди твоей змея
царит, души в тебе не чая,
смертельно ядовитая…

Из Крыма в Сочи

Невеста в платье со шлейфом длинным,
на бал торопится с корабля.
Из Крыма в Сочи плывут дельфины,
а где—то стонет от бомб земля.

Принц ожидает свою принцессу
в господнем храме у алтаря…
А ей маршрут изменили бесы,
и все старания свыше зря.

Царь не хозяин в родимом царстве,
чернь не желает считаться с ним,
не видя Родины в государстве…
Процесс распада необратим.

На две контрастные половины,
мир раскололся вокруг земли…
За кораблями спешат дельфины,
но тают в сумраке корабли.

К памяти…

К памяти не прикоснёшься рукой,
не обожжёшь ее взглядом.
Вечная память и вечный покой
с мраморным холодом рядом.

Горек от яркого пламени дым,
страшен процесс воплощенья…
То, что ушло, стало прошлым твоим —
к прошлому нет возвращенья.

Код Леонардо

Под изобилием светил
он красоту земную встретил,
и две души в одну слепил
в покрытом тайною портрете.
Царит насмешка в тайне той
над зачарованной толпою,
которой грезится святой,
несущий святость к аналою.
Он маскирует свой порок
под целомудренной вуалью…
И взгляд Джоконды так глубок,
как океан, объятый далью.
Мир потрясает красота!
Она всегда для взоров наших
до бесконечности чиста —
неисчерпаемая чаша.
Небес зеркальных благодать
врачует душ поникших чувства.
Великий мастер смог создать,
как код, алхимию искусства,
чтоб над основою основ
умы пытливые потели…
Ведь с нею мир древнейший нов
в палитре звёздной карусели.

Колдовская любовь

Она сидит на царском троне
уже отнюдь не молода.
Красавец паж к ней благосклонен…
Такому бедность – не беда.

Он так влюблён в свою царицу —
казны не сходятся края.
Не зря же юноша годится
своей желанной в сыновья.
Ещё недавно ей с лихвою
козырный туз валюту гнал,
да поплатился головою…
Трагичен был его финал.
В час звёздный свадебного бала,
когда любимый рядом был,
особа царская предстала
с ним перед зеркалом судьбы.
Кругом, толпясь, шептались люди…
Один из них смельчак сказал:
«Её финал трагичней будет,
чем у козырного туза!»
Его словам случилось сбыться.
Паж прыткий сделавшись царём,
за страсть к нему, свою царицу,

очистил дьявольским огнём,
назвав супругу ведьмой старой,
себя же – жертвою её,
на колдовские кликнув чары
со всех подворий вороньё.

Крысиный ход

Крыс, как и бесов устрашает ясность.
Им тьма нужна, чтоб мерзости творить.
Они уходят, чувствуя опасность…
Но невозможно их искоренить!

У них повсюду норы потайные,
где не видны крысиные следы.
Про этих тварей часто вижу сны я,
как их из чёрной, вяжущей воды
выводит в леса смешанного гущу,
неуловимый, близкий солнцу, лис…
И вся земля дрожит за век грядущий
от скопища воинственного крыс.

Лебединая песня

Я терплю, пока хватает силы,
боль, что мне на клочья сердце рвёт.
Множатся друзей моих могилы,
в бесконечность кладбище растёт.
Я любила там гулять когда—то,
на надгробьях надписи читать
тех живых, что чтили мёртвых свято,
втиснув в камень вечности печать.
И по ней я многих узнавала
из прохожих будничного дня.
Но когда тебя, мой свет, не стало,
боль пронзила холодом меня
так, что жизнь дороги перекрыла
мне к порогу вечности твоей.
Память сердца свято сохранила
теплоту зелёных наших дней.
Вновь настанет сказочное лето,
будет дождик звать меня грибной
в синь, где наша песня недопета,
в глушь, куда нельзя ходить одной.
Но небесным ангелом хранима,
не боюсь одна туда идти.
Наши души встретятся, любимый,
на никем не видимом пути.

Ну а там, где тлен объятый тьмою,
потерял обличие души,
ты не можешь встретиться со мною,
потому что так Господь решил.
В отпечатках памятников лица…
Можно жить, минувшее любя.
Помоги мне, милый, с тем смириться,
что со мною рядом нет тебя.

Мастер и Маргарита

Они друг от друга не прятали лица,
но встала меж ними разлуки стена.
Он умер без имени в жёлтой больнице,
а в доме зелёном скончалась она.

Так было для всех, кто их тайны не ведал,
и только больничный сосед чудака,
сквозь лунные тени увидел соседа,
спешащим с возлюбленной за облака.

Кто был тот чудак? Неизвестный писатель,
который роману себя посвятил…
Но этот роман о Христе и Пилате,
Христос не одобрил, а «Свет» запретил.

Чудак стал изгоем в родимой столице,
пока не увидел на улице ту,
решившую сделаться самоубийцей…
Любовь моментально спасла красоту.

Шикарная дама во имя изгоя,
всю душу свою Сатане отдала,
из нежной подруги став ведьмой нагою,
доверив сильнейшему сердца дела.

Та сделка свершилась на стыке событий,
встряхнувших до пепла писательский «скит».
И Мастер явился своей Маргарите
с романом, который в огне не горит.

Месть

Земля мертвея с каждым днём,
уныния полна.
Лишь с очистительным огнём
воспрянет вновь она.
Для возрождения её
он послан Богом ей.
Над свежим тленом вороньё
сгущается темней.
Покоя людям нет нигде
в обители земной.
На суше, в небе, на воде
мир высвечен войной.
Она к нему из всех стихий
рвёт воздух неспроста…
Война – расплата за грехи
живущих без Христа.
За каждый их неверный шаг
на временном пути,
мощь набирает мира враг,
чтоб счёты с ним свести,
не показав ему лица,
бессмертью мстя в аду
за светлый замысел Творца,
за рай в живом саду.

Молитва

Всё то, что независимо от нас,
дай нам перенести достойно, Отче!
И каждый всуе день, и каждый час
нам наш рассудок что-нибудь пророчит.

Все наши в жизни беды от ума —
ум человека дерзок, необъемлем…
Вот потому тающаяся мгла
овладевает им, когда мы дремлем.

Нам не даёт покоя суета,
нелётных дней безмерна вереница.
Нам не хватает веры во Христа,
и времени на то, чтоб помолиться.

Проходит всё, всему придёт конец,
но на вопрос никто не даст ответа:
«Когда?» Об этом знаешь ты, Отец,
когда твой сын сойдёт на землю эту.

Хочу с тобою быть везде, всегда
и здесь, и там за призрачною гранью…
Но все мы в счастье немы, лишь беда
нас гонит в божий храм на покаянье.

штрихи жизни

Не подавай идущему на дно,
свой руки сиятельной, прохожий.
Иначе с ним погрязнешь заодно,
своим поступком план нарушив божий.

Кинь круг ему спасательный, а сам
ступай туда, куда ведёт дорога…
Коль на твоём пути возникнет храм,
укороти маршрут свой на немного.

2.

Продажи нет, сплошная распродажа —
везде открыто всё распродают.
Святой Отец! Мой Бог, и Вы туда же!
А до причастья несколько минут.

Вы мне про пост резонно говорите —
мол в сытом теле портится душа,
а сами вкусно пьёте и едите,
не упустив при этом ни гроша.

3.

На Невском проспекте стою, чуть не плача —
мечты о перкрасном сгорели дотла.
В витрине наряды от фирмы «Версаче»,
да цены такие, что жизнь не мила.

Соблазн необъятен, а денег так мало!..
Ошибочно мненье, что счастье не в них.
Мне хочется стать королевою бала,
но я не хозяйка желаний своих.

4.

Я ждала нашей встречи год.
Смех и слёзы – вот это встреча!
Видит око, да зуб неймёт…
А в округе медовый вечер.

Сколько выпито здесь вина,
сколько песен о счастье спето!
Но с тобою твоя жена…
Как могла я забыть про это?

5.

В нашей жизни туч бродячих много.
И стремясь к рассвету сквозь туман,
часто мы приписываем Богу
дар, который нам Лукавым дан.

На мгновенье делается легче
тем, кто ловко груз тяжёлый свой,
на чужие сваливает плечи,
прикрываясь сочною травой.

А потом внезапная расплата
настигает их на том пути,
где они себе солгали свято,
чтоб друг друга свыше обойти.

Ноев Ковчег

Россия, ты яблоком стала раздора
меж раем и адом на шаре земном
за то, что тебе не по вкусу Гоморра,
с которой в веках неразлучен Содом.

И с ложью двуликою правда святая
вступила открыто в прямой диалог.
Любому терпенью предел наступает,
а Бог к нечестивцам особенно строг.

Он дал полномочия мудрому Ною
построить надёжный, защитный ковчег,
чтоб выиграть время в борьбе с Сатаною,
внедрившим в Европу содомии грех.

Вот—вот катастрофа всемирная грянет,
сгущается полчище чёрных ракет…
Лишь Ноев Ковчег в мировом океане
тебя сохранит от чудовищных бед

Орёл и воробей

Орёл не приклеится к стае ворон,
как жизнь с ним не будет жестока.
И камнем с высот низвергается он,
чтоб в небе парить одиноко.

А тот воробей, что в элитном саду,
достав добряка—попугая,
из клетки проворно ворует еду,
могучую птицу ругая.

Плен греха

Много лет ты держал меня в нежном плену,
обещая под солнцем мне с неба луну.
Но плетя паутину блистательной лжи,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.